

вытесняя содержательных элементов других направлений и видов воспитания).

Наконец, следует отметить важность усвоения гражданами «патриотического этикета». Сознательный, убежденный патриот своей страны должен уметь этически безупречно оценивать имеющиеся достижения и недостатки, проявлять сдержанность и достоинство, уместность и обязательность.

Таким образом, позитивная, этически оформленная патриотическая направленность общественного сознания является важным фактором успешности обновленческих процессов.

Примечания

¹ Цит. по: Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты. М., 2001. С. 370.

² *Путин В.* О стратегии развития России до 2020 года // Российская газета. 2008. 9 февр. С. 2.

³ Аргументы и факты. 2008. № 15. С. 5.

⁴ Там же. № 16. С. 4.

Д. Г. Смирнов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: СЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ (К постановке проблемы)

Современные комплексные исследования феномена интеллигенции предполагают все более глубокое проникновение семиотического подхода в различных его вариантах и интерпретациях в методологический инструментарий интеллигентоведения.

Классическим образцом применения семиотического подхода к изучению интеллигенции являются труды Ю. М. Лотмана. В его работах раскрыты семиотические формы, характерные для значимых периодов становления русской и российской интеллигенции.

© Смирнов Д. Г., 2008

Смирнов Дмитрий Григорьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ивановского государственного университета.

В настоящей статье рассматривается одна из «постнекласических» проблем интеллигентоведения — *семиологическая функция* интеллигенции в условиях становления и развития информационного (ноосферного) общества. Истоки этой проблемы связаны с формированием представления о «семиотической функции», обозначенного на стыке философских и психологических изысканий.

Проблема *семиотической функции* становится предметом исследования психологов, антропологов, философов в начале XX века. Приоритет в осмыслении этого междисциплинарного феномена принадлежит Дж. Брунеру, Э. Бэйтсу, А. Валлону, Х. Вернеру, Л. Выготскому, А. Гелену, Я. Мукаржовскому, Э. Кассиреру, Ж. Пиаже, В. Фальтину, Х. Хэду и др. Само понятие «семиотическая функция» существует в научном лексиконе достаточно продолжительное время, однако, по мнению А. Н. Портнова и А. С. Турчина, «не принадлежит к числу часто используемых в общей семиотике»¹.

Действительно, анализируемый термин относится, скорее, к предметному полю психологии, нежели философии или семиотики. Приведем две наиболее авторитетные дефиниции понятия «семиотическая функция» Ж. Пиаже и А. Валлона.

В семиотической интерпретации А. Н. Портнова и А. С. Турчина данная функция, по Ж. Пиаже, выступает как «способность *репрезентировать* (курсив мой. — Д. С.) с помощью символов и знаков объекты, отсутствующие в восприятии»². А. Валлон рассматривает семиотическую функцию как умение «*замещать* (курсив мой. — Д. С.) реальное содержание намерениями или мыслями, а образы, выражающие его, — звуками, жестами или даже объектами»³. Подобные трактовки точно раскрывают форму актуализации и осуществления семиотической функции, суть которой, на наш взгляд, выражается посредством двух терминов — «репрезентация» и «замещение». Таким образом фиксируется только связь между означаемым и означающим, раскрывающая в системе общей семиотики сущность семиозиса — процесса функционирования чего-либо в качестве знака, в отличие от семиогенеза — процесса эволюции знаковых систем.

Предметная область универсальной семиотики позволяет пойти дальше: от формального анализа семиотической функции к

познанию ее содержательного наполнения. Универсумная семиотика тяготеет не столько к информации как таковой, не к собственно значению, сколько к смыслу. Смысл, в отличие от значения, которое извлекается последовательно и линейно из различных уровней языка, описывающих ситуацию, схватывается комплексно и симультанно. Он выступает средством связи значений с бытием, с предметной действительностью и деятельностью. Смысл, согласно А. Н. Леонтьеву, есть объективная, бытийная категория: «Смысл порождается не значением, а вещью»⁴ и, значит, в рамках семиотической функции есть «бытие для себя».

Содержательный аспект семиотической функции может быть определен следующим образом: кто, что и как интерпретирует, трактует, т. е. рассматривает в качестве знаков Универсума. Переход с «уровня выражения» на «уровень содержания» (по аналогии с категориями общей семиотики — «планом выражения» и «планом содержания»), служащими для раскрытия смысла семиозиса) следует понимать в качестве одного из существенных проявлений современной семиотической революции в науке и социальной практике.

Семиотическая революция предполагает качественный скачок в понимании закономерностей развития космопланетарной семиотической (знаковой) реальности — глобальной семиосферы. В настоящий момент семиотическая революция проявляется в трансформации классической онтологической семиотики (например, семиотики Ч. С. Пирса и семиологии Ф. де Соссюра) в сторону универсумной (онтологической, гносеологической, аксиологической и праксиологической) семиологии, теоретическое обоснование которой обнаруживается в трудах Р. Барта, Т. Себеока и У. Эко.

Универсумная семиотика — это семиотика, в которой знак рассматривается как универсальный, то есть читаемый как в рамках «искусственной парадигмы» (осмысления культуры), так и в рамках «естественной парадигмы» («интериоризации» природы, биосферы, космоса, Вселенной).

Соответственно, претерпевает изменение и феномен семиотической ситуации. В классической семиотике знаковые ситуации, в которых отсутствует намерение передать сообщение или отсутствует определенный адресат сообщения (информации),

принято рассматривать как квазисемиотические, или околосемиотические. При этом обычно исходят из достаточно узкого понимания термина «информация». В семиотической литературе часто можно встретить генетическое, с точки зрения формальной логики, определение именно такого плана: «все, что люди сообщают друг другу или машинам, есть информация».

В этом случае семиотическая ситуация (семиотическое бытие) оказывается поставленной в зависимость от объекта (к которому направлена или не направлена информация). Думается, что более адекватным следует считать не классическое «объект-субъектное», а «субъект-объектное» (или даже «субъект-субъектное») отношение, акцентирующее внимание, прежде всего, на *роли в семиотической ситуации воспринимающего субъекта*. С точки зрения универсальной семиотики, знаками являются все объекты (предметы, явления и процессы), воспринимаемые субъектом с семиотической (знаково-информационной) точки зрения, т. е. те, которые репрезентируют для субъекта другие объекты в вещественной, энергетической и информационной формах.

Эту особенность универсального понимания знака проясняет Г. П. Щедровицкий, подчеркивающий, что «знак как таковой существует лишь постольку, поскольку существует понимающее его сознание и обеспечивающие это понимание системы культурных средств»⁵. Заметим, однако, что всегда существует некий знак, который непонятен людям, воспринимающим его: для «непонимающих сознаний» данный предмет не является знаком, но это отнюдь не означает, что он вообще не знак «для понимающих сознаний».

При этом необходимо учитывать, что «процесс толкования знака бесконечен и отступление означаемых длится едва ли не бесконечно; теоретически знак никогда нельзя зафиксировать в конечном означаемом; единственно возможная остановка в процессе его толкования — это та, что диктуется практикой, а не самой семиологической системой»⁶. В результате мы сталкиваемся с основной проблемой современной семиотики — проблемой пансемиотизма, как ее точно обозначил Р. Барт. Суть пансемиотизма заключается в обнаруживании смысла во всех структурных единицах окружающей реальности, во всеобщем означивании действительности, в признании того факта, что любой объект Универсума может при определенных условиях проявить себя как знак.

Заметим, что пансемиотизм, или «радикальный семиотический идеализм» (в терминологии Т. А. Себеока), особенно проявляет себя в эпоху глобализации. В этот период человечество сталкивается с «*информационным потопом*», который до недавнего времени рассматривался как «поток». Человечество, буквально, тонет в море знаков, символов, информации. Поэтому ему, как и Ною, приходится выбирать для своего «Ковчега» наиболее важные семиотические единицы, оставляя в стороне, на первый взгляд, несущественные. В силу этого, наряду с пансемиотизмом, имеет место и противоположный феномен — «семиотический нигилизм», подразумевающий отрицание объективного существования определенного рода семиотических единиц. Можно даже вести речь о «семиотическом агностицизме», как позиции, согласно которой существуют принципиально неподдающиеся познанию знаковые структуры и элементы. Именно эти три семиотические познавательные позиции — пансемиотизм, семиотический агностицизм и семиотический нигилизм — сталкиваются между собой в глобализирующейся семиосфере и определяют ее историческое своеобразие.

Проблематику универсальной семиотики четко фиксирует Т. А. Себеок: «Как принято считать, предмет семиотики — это обмен любыми сообщениями, т. е. коммуникация. К этому сразу надо добавить, что семиотика концентрируется также на изучении сигнификации»⁷. Коммуникация традиционно направлена на получение намеренного сообщения от адресата, его расшифровку и отправку ответного сообщения желательно в соответствующей кодировке. Главное в коммуникации — это интенциональность, которая задает определенные границы семиотической ситуации, тем самым определяя вариативность значений используемых семиотических единиц. Сигнификация представляет собой означивание неинтенциональных знаков, воспринимаемых познающим субъектом. Семиотическая ситуация такого рода формирует практически бесконечный континуум инвариантов означаемых, создавая предпосылки для пансемиотической формы восприятия реальности.

В данном контексте можно использовать и введенный Р. Бартом в современную семиотику термин «симптом», заимствованный из медицинской семиотики. «Симптом — это некая ви-

димая реальность или реальная видимость; можно сказать некая феноменальность, но такая, в которой еще нет ничего семиологического, семантического. <...> Такое определение, если оно верно, показывает, что со словом “симптом” не сразу стали связывать идею значения, хотя именно такова коннотация этого слова в метафорическом смысле... <...> Мы полагаем, что симптом — нечто подлежащее дешифровке...»⁸. Если развивать аналогию с категориями семиотики или общей лингвистики, то симптом, пожалуй, соответствует «субстанции означающего» (Л. Ельмслев), то есть означающему как субстанции, как материи, еще не разбитой на единицы означающего. «В отличие от симптома, — продолжает Р. Барт, — знак <...> оказывается таким симптомом, к которому добавлено, приложено организующее сознание... (субъект посредством языка преобразует симптом в знак). <...> Если принимать такое определение, то это значит, что мы от феноменального пришли к семантическому»⁹.

В пользу подобной постановки вопроса могут говорить, в частности, семантическая концепция понимания А. Л. Никифоровой, где интерпретация рассматривается как наделение смыслом лишнего смысла материала; а также старая идея «книги природы», идущая от Средневековья и Возрождения¹⁰, проанализированная А. П. Огурцовым, и позволяющая искать в природе объективные смыслы, которые могут быть умопостигаемыми¹¹.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что знак имеет объективную природу, то есть существует независимо от сознания человека, хотя только в нем и актуализируется. Т. А. Себеок высказывает даже такую крамольную, казалось бы, мысль, что семиотическое знание — есть единственное достоверное и доступное человеку. «Мы можем с уверенностью считать, что единственный вид знания, каким может обладать любое живое существо, “сквозь стекло, смутно”, — это знание знаков. Существует ли за знаками реальность... — об этом человечество твердо ничего не знает»¹². Таким образом, считает исследователь, «семиотика никогда не рассказывает, чем является мир сам по себе, но описывает, что мы можем знать о нем; другими словами, предмет описания семиотической модели — не реальность как таковая, а природа, приоткрытая в результате человеческого по-

знания. Взаимодействие между “книгой природы” и расшифровывающим ее человеком — вот что самое главное»¹³.

Р. О. Якобсон, рассматривая кодирующую и декодирующую деятельность человека, считает, что «декодирование в гораздо меньшей степени зависит от кодирования, чем наоборот... Сфера нашей декодирующей деятельности шире нашей кодирующей способности»¹⁴. Человек обычно проявляет более узкую языковую (и шире — знаковую) компетенцию в качестве отправителя сообщений и более широкую компетенцию в качестве их получателя. Именно этот «семиотический лаг» между кодирующей и декодирующей деятельностью соответствует, на наш взгляд, предметному полю универсальной семиотики.

Универсальная семиотика имеет дело не только с семиотической, но и с семиологической функцией живого разумного вещества. Для того чтобы раскрыть различие между этими функциями, следует обратиться к проблеме знака. С нашей точки зрения, в контексте семиотической методологии можно вести речь о следующих модусах Его Величества Знака: сигнал, симптом, простой знак (знак), сложный знак (Знак), сверхсложный знак (ЗНАК) и символ. Семиотическая функция предполагает операции с сигналами и простыми знаками, тогда как семиологическая — со сложными, сверхсложными знаками и символами.

С антропологической позиции очевидно, что семиотическая функция атрибутивно связана с реликтовыми или примитивными правополушарными и левополушарными доминантами. Семиологическая функция тяготеет к уменьшению семиотической асимметрии в рамках кодирующей и декодирующей деятельности; она стремится к эйдетическому мироощущению, универсальному мировосприятию и синтетическому миропониманию.

В контексте размышлений Р. О. Якобсона, приведенных выше, как семиотическая, так и семиологическая функции могут иметь кодирующий (а возможно, и перекодирующий) и декодирующий модусы. Соотношение между указанными модусами с ходом истории изменяется в сторону преобладания декодирования, которое занимает главное место в семиологической функции. Семиотическая функция активно реализуется в период овладения знаковыми системами с целью адекватного включения в

семиотическую реальность. Здесь главное — правильно закодировать себя для окружающей среды или даже перекодировать окружающую среду под себя, а не раскодировать ее, т. е. скопировать ее код в свое семиотическое поведение.

Мир задает знаки, выступающие как моменты опережающего отражения, имеющие разный масштаб временного лага¹⁵. Здесь отметим, что чем сложнее знак, чем больше информации в нем свернуто, запаковано, тем больше времени требуется воспринимающему субъекту для его распаковки, развертывания его смысла. В данном контексте разум, сознание действительно выступают в качестве торможения природного посыла по декодированию данной семиотической единицы. Знак может быть не только тем, чем он кажется на первый взгляд. Он может казаться сигналом, а на самом деле быть сложным знаком или даже символом. Он может принадлежать к различным хрональным (временным) измерениям (в смысле А. И. Вейника).

В практическую плоскость переводится проблема экологической семиотики. Знак имеет «тройную значимость, или тройную функцию; он анамнестичен — говорит о том, что произошло; он прогностичен — говорит о том, что произойдет; он диагностичен — говорит о том, что происходит сейчас»¹⁶.

Из контекста рассуждений Р. Барта можно заключить, что существует несколько пластов (или уровней) семиотической (семиологической) функции. По нашему мнению, можно выделить анамнестический (настоящее прошлого), фиксационный (прошлое настоящего), диагностический (настоящее будущего) и прогностический (будущее настоящего) уровни. В данном случае анамнестический и фиксационный пласты отражения соотносятся с семиотической функцией, а диагностический и прогностический предполагают обращение к семиологической функции.

Соответственно выделяются и уровни актуализации семиотической и семиологической функций в рамках человеческого общества. В свою очередь можно говорить о степени овладения этими функциями в процессе индивидуализации и социализации личности.

Для «человека семантического» (в онтогносеологическом плане) характерно использование семиотической функции на уровне распредмечивания и опредмечивания в рамках оперирования симптомами, сигналами и простыми знаками. Указанные

семиотические единицы, как правило, имеют одно означаемое, строго фиксированное в содержательном плане. Это конвенциональные знаковые формы, семиотический анализ которых предполагает определенный интерпретационный предел, ограниченный социокультурной компетентностью личности. Абсолютное большинство таких семиотических единиц находится в ведении левого (дигитального, математического, логического) полушария головного мозга, устанавливающего жесткие связи между означаемым и означающим, очень устойчивые к реалиям семиотического (символического) обмена.

«Человек семиотический» — интеллект — личность, обладающая большим объемом знаний, умений и навыков из различных сфер человеческой жизнедеятельности и, тем самым, отличающаяся от «человека семантического». Для уровня семиотической функции, реализуемого интеллектуалом, характерны, преимущественно, операции «сложения знаков» и «умножения знаков», применяемые в формально-логическом контексте. Интеллект — интеллект предстает в онтогносеологическом плане уже не как аналог *homo habilis* (человека умелого), который просто использует шаблонные знаковые единицы, задаваемые природным и социокультурным окружением, а как семиотический субъект (аналог *homo ergaster* — человека трудящегося или даже *homo sapiens* — человека разумного), целенаправленно продуцирующий единичные знаки и изменяющий посредством этого конкретную знаковую ситуацию. Один и тот же знак в разных предметных реалиях может принимать различные означаемые, которые, в свою очередь, могут организовываться по принципу дополнительности, т. е. из двух знаков рождается третий, отличный по означаемому. Кроме этого, границы интерпретации знаковых феноменов у интеллектуала значительно шире (глубже), поскольку метакультурная память его значительно богаче. И знаки для интеллектуала не представляют исключительно прикладного, утилитарного интереса как в случае с «человеком семантическим».

Интеллект — интеллект подчас выходит на более высокий уровень реализации семиотической функции, так как имеет дело со сложными знаками в силу того, что его прочтение окружающей реальности междисциплинарно. Однако семиосознание интеллектуала, по преимуществу, мозаично, дискретно. Здесь мы сталки-

ваемся со своеобразным переходным моментом от семиотической функции к семиологической. В данном контексте на первый план выходит проблема соотношения категорий «интеллектуал» и «интеллигент», которая до сих пор остается открытой.

«Человек семиологический» — интеллигент — в отличие от интеллектуала использует для анализа знаковой реальности не только левое полушарие головного мозга, но и дополняет функциональность последнего аналоговыми элементами правополушарного мышления. В результате подобного синтеза возникает эйдетическая (чувственно-рациональная) атрибутивность в контексте семиологической функции, обладающая свойствами всеобщности и нелинейности в гносеологическом плане. Интеллигент имеет дело со сверхсложными синкретическими и синтетическими знаками и символами. Для этих семиотических единиц практически не существует конвенциональности, ее невозможно восстановить даже при ретроспективном анализе. Означаемые здесь зачастую не подчиняются логическим правилам и законам и не ограничиваются при их поиске использованием здравого смысла. Они могут сами, имманентно, отсылать к интуитивным формам мировосприятия и даже мистическим практикам мироощущения.

Главное отличие интеллигента от интеллектуала в онтогносеологическом плане заключается, на наш взгляд, в том, что он конструирует систему знаково-символического хронотопа — семиосферу, свободно ориентируясь в потоках символического обмена между ее подсистемами. Именно интеллигент (как истинный *homo sapiens sapiens*) формирует алгоритм адекватного системного прочтения ноосферной (ноосферно-семиотической) реальности в целом, а не только её отдельных знаковых ситуаций. Отличительной особенностью семиосознания интеллигента является его континуальность.

Подобная семио-антропологическая классификация (стратификация) носит условный характер. В чистом виде в онтогносеологическом плане вышеназванные семиотические типы вряд ли существуют. В целях научного анализа обозначенные антропологический, нейрофизиологический и коммуникационный аспекты могут служить критериями определения уровня бытийствования человека.

Законы, которым подчиняется и по которым строится семиологическая функция, выявить достаточно сложно, если вообще возможно. Тем не менее, совершенно очевидны критерии, позволяющие разделять уровни семиотического и семиологического, а также способы их познания. Единственное, что можно исследовать в данном контексте — это семиотические парадигмы, которые создает и от эпохи к эпохе переосмысливает интеллигенция. Они изменяют науку и в целом культуру человеческой цивилизации, расширяя границы проникновения человека в ноосферно-семиотическую реальность.

Г. Бейтсон в работе «Экология разума» отмечает, что людям бывает очень трудно увидеть очевидное. Это происходит потому, «что люди — это самокорректирующиеся системы. Они самокорректируются против беспокойства, и если это “очевидное” не таково, что его можно легко ассимилировать без внутреннего беспокойства, то их механизмы самокоррекции срабатывают так, чтобы отодвинуть, спрятать, а если необходимо, то и закрыть глаза или отключить другие звенья процесса восприятия. Беспокоящая информация может быть окружена фреймом, после чего она уже не причиняет беспокойства. Все это делается в соответствии с представлением самой системы о том, что есть неудобство»¹⁷. Соединение человека с его биологическим окружением через посредство сознания можно определить, по Г. Бейтсону, как ситуацию «перекрестных целей». Если у сознания отсутствует информация о природе человека и окружающей среды или информация искажена, или неправильно выбрана, то тогда весьма вероятно, что сознание станет генерировать мета-беспорядочную последовательность событий. Это положение чрезвычайно важно для понимания сущности интеллигенции с методологической точки зрения.

В действительности, интеллигенция потому и интеллигенция, что она заставляет себя преодолеть синдром «страуса, прячущего голову в песок». В этом преодолении инстинкта самосохранения в значительной степени заключается смысл «психологической перегрузки (перегрева)» интеллигенции: она, как Кассандра, должна вещать истину и читать знаки (будущее), а затем расплавиваться за знаки «из глубины».

Можно возразить — человек, как бы он ни старался, не может заглянуть в тайны Вселенной, Универсума, так как находится внутри. Он не в силах представить весь «размах реальности», являющейся его ойкосом. Действительно, согласно гуманитарному толкованию теоремы Гёделя, человек есть только часть большей системы, а часть никогда не может осуществить репрезентацию целого. С точки зрения системно-синергетического подхода, логике теоремы Гёделя подчиняется лишь «человек семантический», который и есть часть, поскольку никогда не выходит за рамки системы (ему это не выгодно и даже, более того, интеллектуально опасно). Напротив, интеллигент («человек семиологический»), по своей природе, сверхсистемен, он всегда выходит за рамки системы, в которой живет, а значит, он виртуально (информационно-семиотически) больше, чем система, в которой он существует.

Из этого следует, что семиологическая функция интеллигенции заключается не только в том, чтобы «осмысливать жизнь» (В. И. Вернадский), но и в том, чтобы «прописывать» образы сверхсистемности (своеобразные «знаки будущего»). Семиологическая функция интеллигенции, в частности, предстает в формах опережающего отражения, проявляется как способность увидеть то, чего нет, но возможно (действительно), и более того, как «достичь невозможного» (в синергетической терминологии — «состояние-аттрактор»). Наиболее близки к такому пониманию семиологической функции теория «открытого смысла» (некоего иного, рассеянного в неуловимых деталях мысли) Р. Барта и «уликовая парадигма» К. Гинзбурга — техника чтения неполных, неуловимых знаков — «улик».

Таким образом, семиологическая функция человечества — это способность рассматривать каждый объект, явление, процесс в качестве знака и, что не менее важно, давать ему адекватную интерпретацию, отвечающую той или иной конкретно исторической картине мира. Д. Саван, с нашей точки зрения, достаточно верно раскрывает природу семиологической функции: «любые качества, свойства и характеристики чего бы то ни было зависят от системы знаков, представлений или интерпретаций, при помощи которых они обозначаются»¹⁸. Тем самым обосновывается зависимость картины мира (ее адекватность, понимание) от се-

миотических парадигм, создаваемых в среде интеллигенции и, наоборот, так как свойства объекта зависят от того языка, на котором он описан (принцип дополнительности Н. Бора в интерпретации И. Пригожина).

Выше мы обозначили сущность семиотической и семиологической функций и очертили их границы, что позволяет предложить решение вопроса, касающегося антропологической сущности субъекта, то есть носителя этой имманентно присущей человечеству функции.

Носителем семиотической функции, согласно исследованиям психологов и семиотиков, может считаться любой человек. Но все ли способны реализовать семиологическую функцию? Ответ на этот вопрос предполагает обращение к проблеме социально-философского плана — проблеме *семиотической стратификации*. Семиотическая стратификация — это классификация субъектов по уровню их семиотической способности (адекватности), то есть на основании того, какими знаками они чаще всего пользуются в течение жизни.

«Сознание, — полагает Г. Бейтсон, — организовано целевым образом. Это прибор ближнего действия, помогающий вам быстро получить желаемое. Он предназначен *не* для жизни с максимальной мудростью, а для получения желаемого кратчайшим логическим (каузальным) путем»¹⁹. Таким сознанием и обладает абсолютное большинство представителей человеческого рода. Большинство из этого большинства ориентировано на сигнал, чуть менее — на простой знак, немногие — еще и на символ. Но ни одна из перечисленных ориентаций не позволяет достичь желаемой «жизни с максимальной мудростью», несмотря на то, что внешне к ней все стремятся. Лишь интеллигенция, синтезировавшая в веках семиотический инстинкт, семиотическое и семиологическое сознание в единый сознаниевый организм, способна выставить ориентиры на пути продвижения человечества к «направляющему развитию».

Все дело в уровне семиосознания конкретного человека и, соответственно, человечества в целом, которое дерзновенно стремится охватить постоянно усложняющийся мир в его непредсказуемой эквифинальности. Семиотическая функция есть необходимая функция биосферы, без которой не осуществим

процесс эволюции живого вещества. Семиологическая функция, актуализирующаяся лишь на субстрате живого разумного вещества (*homo sapiens sapiens*), задает семиотические парадигмы понимания, объяснения, опережающего отражения, диагностирования, прогнозирования сложных социоприродных и социокультурных систем (расширяющихся до пределов Вселенной). Такая функция характеризует только интеллигенцию: так рождается феномен интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Портнов А. Н., Турчин А. С.* Семиотическая функция: философские, социологические и психологические аспекты // Вестник ИвГУ. 2002. Вып. 2. С. 63.
- ² Там же. С. 67.
- ³ *Валлон А.* От действия к мысли: Очерк сравнительной психологии. М., 1956. С. 189.
- ⁴ *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 279.
- ⁵ *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995. С. 542.
- ⁶ Там же. С. 495.
- ⁷ *Себеок Т. А.* Культура и семиотика: Учение о знаках // *Философия языка и семиотика.* Иваново, 1995. С. 34.
- ⁸ *Барт Р.* Система моды: Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 480.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Степанов Ю. С.* Семиотика. М., 1971.
- ¹¹ См.: Загадка человеческого понимания. М., 1991. См. также: *Гуревич П. С.* Несколько замечаний об интуитивном постижении реальности // Вестник РАН. 1992. № 10. С. 104—116.
- ¹² *Себеок Т. А.* Указ. соч. С. 40.
- ¹³ Там же. С. 33.
- ¹⁴ *Якобсон Р. О.* Лингвистические типы афазии // Избр. работы. М., 1985. С. 294.
- ¹⁵ См.: *Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968; *Шингаров Г. Х.* Условный рефлекс и проблема знака и значения. М., 1978.
- ¹⁶ *Барт Р.* Указ. соч. С. 481.
- ¹⁷ *Бейтсон Г.* Экология разума: Избр. статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. С. 394.
- ¹⁸ Цит. по: *Себеок Т. А.* Указ. соч. С. 43.

¹⁹ *Бейтсон Г. Указ. соч. С. 398.*